

М. А. Руднев

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

К ИСТОКАМ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА: Г. В. ПЛЕХАНОВ О М. М. ЩЕРБАТОВЕ

На материале трехтомного обобщающего труда Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли» (1914–1917) рассматривается интерпретация и оценка основоположником русского марксизма творческого и идейного наследия первого идеолога русского дворянского консерватизма XVIII в. М. М. Щербатова,

во многом заложившая основу его трактовки в ранней советской историографии.

Ключевые слова: М. М. Щербатов, Г. В. Плеханов, истоки, марксизм, историография, идейное наследие, консерватизм, оценка, интерпретация.

Руднев М. А. До джерел марксистської історіографії російського консерватизма: Г. В. Плеханов про М. М. Щербатова.

На матеріалі тритомної узагальнюючої праці Г. В. Плеханова «Історія російської суспільної думки» (1914–1917) досліджується інтерпретація і оцінка основоположником російського марксизму творчої та ідейної спадщини першого ідеолога російського консерватизму

XVIII ст. М. М. Щербатова, що у значній мірі заклало основу її трактовки у ранній радянській історіографії.

Ключові слова: М. М. Щербатов, Г. В. Плеханов, витоки, марксизм, історіографія, ідейна спадщина, консерватизм, оцінка, інтерпретація.

Rudnev M. A. To origins Marxist historiography of Russian conservatism: G. V. Plekhanov about M. M. Scherbatov.

On the materials of the G. V. Plekhanov's three-volume generalizing «History of Russian Social thought» (1914–1917) his treatment and appraisal of the ideological heritage of M. M. Shcherbatov as the founder and first ideologist of the Russian nobleman's conservatism in the following historiographical perspective is examined. This aspect of the Plekhanov's treatise became the first trial of the Marxist historiography to interpret the Shcherbatov's socio-economic and political views and Russian "pre-parliamentary" conservatism in general. G. V. Plekhanov, the founder of the Russian Marxism, strongly disputed the

historiographical identification of Shcherbatov-ideologist as "the liberal and progressist" which was traditional for the Russian Pre-October historical and philological science. In the scientific and ideological perspective this Plekhanov's Marxist treatment determined the following interpretation of the Shcherbatov's ideological heritage in the early, Pre-Stalinist Soviet historiography.

Keywords: M. M. Shcherbatov, G. V. Plekhanov, origins, Marxism, historiography, ideological heritage, conservatism, treatment, appraisal.

Одной из самых очевидных и устойчивых тенденций современного общественно-исторического сознания и официальной идеологии в странах, пребывавших в составе цивилизационного пространства Российской империи и Советского Союза (в первую очередь, в России и Украине), является пристальный и акцентированный интерес к эпохам максимальной политической мощи и «цветущей сложности» (К. Н. Леонтьев) их культурно-исторического бытия. Для современной России одной из таких «знаковых» и отчасти сакрализованных исторических эпох выступает время правления Екатерины II, почти с математической точностью охватывающее вторую половину русского «некалендарного» XVIII века.

Наряду с несравнимо более глобальными и весомыми внутривосточными и геополитическими процессами «золотой век Екатерины» ознаменован также первичной дифференциацией общественной мысли на два антагонистических и, в то же время, органично взаимодополняющих направления: «просветительского» (прогрессистского) и консервативного, что, в свою очередь,

означало обретение ею качественно нового, «полноценного» статуса и начало ее непрерывного (вплоть до 1917 г.) исторического бытия. При этом следует отметить особенно характерную для общественного сознания современной России непреходящую популярность и прямую идеологическую востребованность (в том числе на самом верхнем уровне политической элиты) идеологии консерватизма дооктябрьского периода. Самым показательным и радикальным выражением подобной стратегической тенденции стало недавнее объявление его идейного и духовного наследия одной из мировоззренческих основ программы монополюльно правящей политической силы – путинской «партии власти» «Единая Россия».

Легко предположить, что в современной историографии (точнее, в научно-гуманитарном дискурсивном пространстве) и в более идеологизированном научно-публицистическом жанре обостренный закономерный интерес к историческому опыту русского консерватизма эпохи Империи реализуется главным образом в исследованиях персоналогического характера, посвященных жи-

зненному пути и идейному наследию его основоположников и виднейших представителей, среди которых одно из ключевых мест и, что особенно важно, хронологическая «пальма первенства» принадлежит князю М. М. Щербатову (1733–1790) – одному из первых историков России, автору семитомной «Истории Российской» (1770–1791), выдающемуся мыслителю и публицисту.

Следует отметить то очевидное обстоятельство, что историко-научное осмысление и оценка творческого пути Щербатова-историка представляет собой отдельную самостоятельную страницу историографической традиции. С другой стороны, проблема аналитической реконструкции историографического образа М. М. Щербатова в его главной для нас ипостаси фактического основоположника и первого идеолога первоначальной (докарамзинской) версии русского дворянского консерватизма – особенно на раннем этапе формирования этого образа в дооктябрьской исторической науке и интеллектуальном пространстве – предстает как одно из актуальных и результативных направлений исследовательской активности историографа общественной мысли. Исходный момент генезиса рассматриваемой историографической традиции совпадает с первым этапом процесса становления истории русской общественной мысли как относительно самостоятельной исторической дисциплины, которая ведет свою «родословную» от работы А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (1851), совместившей в себе черты яростной революционной публицистики и научно-популярного трактата [2].

Поворотными пунктами формирования историографического образа М. М. Щербатова в общем контексте историографии русского консерватизма стали обращения к его идейному наследию в «Истории русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884) радикального «неославянофила» М. О. Кояловича (1828–1891) [3], в «Очерках по истории русской культуры» видного историка «школы Ключевского», будущего лидера кадетской партии П. Н. Милюкова (1859–1943) – точнее, в их заключительном III томе под названием «Национализм и европеизм» (1899–1902), содержащем обзор истории общественно-политической мысли до XVIII в. включительно [4] и, наконец, в трехтомном труде основоположника русского марксизма Г. В. Плеханова (1856–1919) «История русской общественной мысли» (1914–1917). Именно плехановская «История...», которую, как и в случае с милюковскими «Очерками...», автор успел довести лишь до екатерининской эпохи (точнее – до характеристики идейного наследия А. Н. Радищева), фактически подвела окончательные итоги дооктябрьской историографической

традиции и в определенной мере заложила идейно-концептуальные основы советской историографии общественной мысли (в том числе русского консерватизма и либерализма) на ее самом раннем, досталинском этапе.

Соответственно, наше сегодняшнее обращение к этому, казалось бы, «исчезающему малому» проблемно-историографическому персоналогу сюжету обретает несомненную научно-познавательную и, отчасти, идеологическую значимость – ведь интерпретация и оценка Г. В. Плехановым идейного наследия М. М. Щербатова обращает современного исследователя к проблеме истоков русской марксистской историографии в ее первоизданном («чистом») облике, еще не отягощенном прибавкой «ленинская» и официальным («единственно верным») статусом в идеократическом советском социуме.

«Несущей конструкцией» общей исторической концепции Г. В. Плеханова, – имеющей очевидный и ярко выраженный идеологический характер, – является вполне закономерное для виднейшего революционера-марксиста, посвятившего свою жизнь борьбе с социально-политическим строем Российской империи, утверждение, что Россия уже на раннем («московском») этапе своего исторического бытия, согласно лапидарному изложению его современного биографа, «сложилась как страна полувосточного деспотизма со стабильным режимом и абсолютным подчинением населения государству», при этом «духовное ее развитие всецело зависело от Запада, особенно в период пришествия капитализма, определившего европеизацию общественного строя» [6, с. 646, 647]. Исходя из сказанного, основоположник русского марксизма приходит к априорному для него выводу, что, «отставая от общественных взглядов западных европейцев, общественные взгляды русских людей станут сближаться со взглядами обитателей восточных деспотий в той самой мере, в какой русские, т. е. собственно московские (! – М. П.) общественные отношения станут приобретать восточный характер» [6, с. 135].

Как уже было сказано, плехановская трехтомная «История русской общественной мысли» стала первой «пробой пера» марксистской интерпретации идейного наследия М. М. Щербатова. Речь идет о ее заключительном, незавершенном томе, посвященном общественной мысли XVIII в., который был доведен автором до рассказа о творческом пути и мировоззрении А. Н. Радищева. Фрагментарный аналитический обзор идейного наследия основоположника русского дворянского консерватизма содержится в VIII («Движение общественной мысли под влиянием взаимной борьбы различных общественных элементов. – Комиссия об Уложении»), IX («Вопрос об отно-

шении России к Западу во второй половине XVIII века») и X («Вопрос о самодержавии. – Братья Панины, Щербатов, Княжнин, Кречетов») главах III тома плехановского труда.

Щербатовский сюжет «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханов начинает с констатации того очевидного исторического обстоятельства, что «единственным русским сословием, смотревшим не назад, а вперед, было тогда у нас дворянство», но оно якобы «не видело впереди ничего, кроме привилегий для себя, некоторых стеснений для купечества и дальнейшего усиления крепостной зависимости крестьянства» – и, одновременно, с полемики с дерптским историком А. Г. Брикнером, который в статье «Князь М. М. Щербатов как член «Большой комиссии» 1767 г.» в журнале «Исторический вестник» (1881, № 10) представлял князя Михаила «сторонником либеральных начал, защитником гуманности, благородно мыслящим человеком, филантропом» [1, с. 245]. Со своей стороны основоположник русского марксизма решительно заявляет, что «Щербатов был самым сильным сторонником стремления упрочить и расширить дворянские привилегии», однако, «говоря в пользу этих привилегий, он, в самом деле, высказывал порой гуманные взгляды» [7, с. 131].

Итак, называя М. М. Щербатова «едва ли не самым замечательным идеологом русского дворянства», Г. В. Плеханов отмечает при этом, что «дворянская идеология имела у него свой особый оттенок» [7, с. 185]. Легко предположить, что говоря об «особом оттенке дворянской идеологии», автор «Истории русской общественной мысли» имеет в виду влияние на князя Михаила французского просветительства («просветительской французской литературы»). Г. В. Плеханов затрагивает также один из весьма востребованных сюжетов русской историографии второй половины XIX – первой четверти XX вв. (начиная еще от А. И. Герцена) – вопрос о «славянофильстве» М. М. Щербатова (или, точнее, о его генетической принадлежности к протославянофильству). По несколько легковесному заключению автора «Истории русской общественной мысли», «со славянофилами его... роднит лишь (? – М. Р.) консервативное настроение...» [7, с. 189]. (С точки зрения современного историка русского консерватизма, отмеченная нами легковесность решения Г. В. Плехановым неизбывной историографической проблемы «Щербатов и славянофильство» должна быть скорректирована по меньшей мере указанием на бросающееся в глаза «единодушие» князя Михаила и ранних славянофилов 1830–1850-х годов в неприятии петровской модернизации и ее главного исторического результата – режима вестернизированной абсолют-

ной монархии, что означает явное сходство «негативной программы» (при очевидном антагонизме их социально-политических взглядов и в первую очередь – позиций по «крестьянскому вопросу»).

Основоположник русского марксизма – на том основании, что М. М. Щербатов «напоминает вельможам об их долге перед государем и перед народом», а «правителям об их долге перед народом» – признает, что «крепостнические убеждения не мешали Щербатову, – как не мешали они и Сумарокову, – по-своему желать добра народу» [7, с. 217]. Тем не менее Г. В. Плеханов приходит к совершенно однозначному заключению относительно возможного «либерализма» князя Михаила и, соответственно, – его общей идеологической позиции: «... мы очень сильно ошиблись бы, если бы основываясь на его, несомненно, вполне искренней ненависти к самовластию, вообразили его сколько-нибудь последовательным учеником энциклопедистов или же приписали тот образ мыслей, который окончательно сложился уже в XIX веке (! – М. Р.) и получил название либерального» [7, с. 220]. (К огромному сожалению, незавершенность плехановской «Истории русской общественной мысли» не дает возможности прояснить его точную позицию по сакраментальному историографическому вопросу о генезисе русского либерализма и соотнести ее с практически общепринятой в новейшей историографии концептуальной версией о славянофильстве и западничестве конца 1830-х – первой половины 1850-х годов как первом полноценном «двуедином» историческом воплощении либеральной идеологии в России).

По мнению Г. В. Плеханова, «хорошо знакомый с современной ему западноевропейской литературой, Щербатов не был, да и не мог быть, ни последовательным сторонником освободительной философии, ни либералом» – на том логически неопровержимом для него основании, что «либерализм, как и освободительная философия, был идейным продуктом борьбы со «старым порядком», а «Щербатов (напротив – М. Р.) выступал убежденным сторонником крепостного права» [7, с. 221]. Более того, «Щербатов отвергал «химеру равенства» даже в применении к дворянскому сословию» и «в своих политических мечтах он не шел дальше приобретения политических прав тем родовитым дворянством, идеологом которого явился... уже в Комиссию об Уложении» [7, с. 221]. (Легко предположить, что в данном случае автор «Истории русской общественной мысли» попросту «вынес за скобки» щербатовский проект идеального социально-политического устройства, представленный в «Путешествии в землю Офирскую» и предполагающий институционально оформленную «конституционную»

систему сословно-ієрархічного общественно-го представительства).

Г. В. Плеханов признает, что «как бы, однако, ни были далеки от либерализма аристократические стремления Щербатова, факт тот, что он не только не удовлетворялся существовавшим в России (начиная с Петра I – М. Р.) политическим порядком, но глубоко ненавидел его» [7, с. 221]. (Несомненно, самым неопровержимым аргументом в пользу столь решительного заключения был щербатовский памфлет «О повреждении нравов в России», почему-то ни разу прямо не упомянутый в «Истории русской общественной мысли»). Однако при этом основоположник русского марксизма инкриминирует князю Михаилу отказ от действенного противостояния «глубоко ненавидимому» им екатерининскому режиму и, ни много ни мало, «приспособление» к нему («стараться послужить стране, приспособляясь к существующему порядку и порой далеко, – по крайней мере, на нашу нынешнюю мерку (! – М. Р.), заходя в процессе приспособления», а «когда слишком заботит сердце при виде многочисленных бедствий родной страны... тогда отводит душу в резких, полных негодования статьях... заранее зная, что им не суждено быть напечатанными») [7, с. 222, 223]. С точки зрения современного неангажированного исследователя – учитывая тогдашние исторические реалии и конкретные обстоятельства жизненного пути и духовно-интеллектуальной биографии М. М. Щербатова – подобный ригористический упрек в конформизме выглядит, мягко говоря, безосновательным.

Свою итоговую характеристику идейного наследия и самой личности князя Михаила Г. В. Плеханов увенчал эффектной ретроспективной экстраполяцией хрестоматийных образов из классической литературы и общественной мысли: «Как публицист, М. М. Щербатов был одним из

“лишних людей” того времени, одной из “умных ненужностей”, чтобы употребить здесь остроумное выражение А. И. Герцена» [7, с. 223].

Завершая разговор об истоках марксистской историографии русского консерватизма на примере плехановской трактовки идейного наследия М. М. Щербатова, следует констатировать то очевидное обстоятельство, что в советской гуманитарной науке вплоть до середины 1980-х годов практически безраздельно доминировала однозначная «консервативно-охранительная» идентификация социально-политических взглядов последнего, и при этом варьировалась лишь ее радикальность (по шкале «консерватизм-охранительство-реакционность»). Вместе с тем в ее хронологических и институциональных рамках происходило формирование альтернативного подхода к идейному наследию князя Михаила, а именно – его «либеральной (конституционалистской)» интерпретации, которая впервые прозвучала еще в предперестроечное время в поворотной для рассматриваемой нами историографической традиции полемической статье С. А. Егорова «М. М. Щербатов о преобразовании государственного строя в России», опубликованной в журнале «Советское государство и право» (1985, № 2).

Разумеется, всесторонний обзорный анализ развития и трансформации историографического образа Щербатова-идеолога в советской и новейшей российской исторической науке является потенциальной сверхзадачей для отдельной проблемно-историографической работы, а в конечном итоге – в совокупности с реконструкцией его дооктябрьской «предыстории», должен стать одним из ключевых структурных элементов будущего обобщающего исследования историографии русского «допартийного» консерватизма эпохи Империи.

Библиографические ссылки

1. Брикнер А. Г. Князь М. М. Щербатов как член «Большой комиссии» 1767 г. / А. Г. Брикнер // Исторический вестник. – 1881. – № 10. – С. 217–249.
2. Герцен А. И. Предисловие / А. И. Герцен // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание / под ред. М. В. Нечкиной и Е. Л. Рудницкой. – М., 1985. – С. III–XIV.
3. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. – Минск, 1997.

4. Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. / П. Н. Милоков. – М., 1995. – Т. 3.
5. Михайлова М. В. Плеханов Георгий Валентинович / М. В. Михайлова / Русские писатели. 1800–1917: биограф. словарь. – М., 1999. – Т. 4: М-П. – С. 642–647.
6. Плеханов Г. В. Сочинения / Г. В. Плеханов. – М.; Л., 1925. – Т. 20.
7. Плеханов Г. В. Сочинения / Г. В. Плеханов. – М.; Л., 1925 – Т. 22.

References

1. Brickner, A. G., 1881. Knyaz' M. M. Shcherbatov kak chlen «Bol'shoy komissii» 1767 g. [Prince M. M. Shcherbatov as a member of the “Great Commission” 1767]. *Istoricheskiy vestnik* [Historic Bulletin], No 10, pp. 217–249 (in Russian).
2. Herzen, A. I., 1985. Predisloviye [Preface]. «O povrezhdenii nravov v Rossii» knyazya M. Shcherbatova i «Puteshestviye» A. Radisheva. Faksimil'noye izdaniye [Prince Shcherbatov's “About corruption of morals in Russia” and Radischev's “Journey”] [Facsimile edition]. Moscow, pp. III–XIV (in Russian).
3. Koyalovich, M. O., 1997. *Istoriya russkogo samosoznaniya po istoricheskim pamyatnikam i nauchnym sochineniyam* [The history

- of Russian self-consciousness on the historical monuments and scientific writings]. Minsk (in Russian).
4. Milyukov P. N., 1995. *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. Moscow, vol. 3 (in Russian).
5. Mikhailova, M. V., 1999. Plekhanov Georgiy Valentinovich [Plekhanov Georgy Valentinovich]. *Russkiye pisateli* [Russian writers]. 1800–1917. [Biographical Dictionary]. Moscow, vol. 4 (M–P), pp. 642–647 (in Russian).
6. Plekhanov, G. V., 1925. *Sochineniya* [Works]. Moscow; Leningrad, vol. 20 (in Russian).
7. Ibid., vol. 22.